

© А.С. Басов, А.С. Бородулина, П.С. Куприянов, В.С. Михайлова

Прикладная антропология на Борнео. Интервью с авторами

Ключевые слова: Малайзия, Саравак, бидая, коренные народы, прикладная антропология, туризм, архитектура, длинный дом, социальная ответственность бизнеса

Интервью посвящено опыту участия российских антропологов в проекте по разработке туристического и инвестиционного мастер-плана одного из районов штата Саравак (Малайзия, о. Борнео). Предмет разговора — полевое и кабинетное исследование и разработанные на их основе руководства для туристических проектов на данной территории, касающиеся архитектуры и графического дизайна, а также организации взаимодействия компаний с местными жителями. Участники интервью обсуждают вопросы конвертации полевых материалов в практические рекомендации, поиск компромисса между научной корректностью и необходимостью создания эстетически привлекательного и коммерчески приемлемого продукта, этические и методологические дилеммы, связанные с позицией антрополога в прикладном проекте.

Российская прикладная антропология, начинавшаяся когда-то с единичных, часто экспериментальных, проектов, за последние пятнадцать лет выросла в самостоятельную, разветвленную и динамично развивающуюся отрасль, частично институализированную¹ и довольно специализированную: со своим инструментарием, определенными сферами приложения, процедурными и качественными стандартами. Участие в прикладных проектах стало обычной

Басов Александр Сергеевич — младший научный сотрудник Отдела Севера и Сибири ИЭА РАН. email: a.basov@iea.ras.ru <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852>

Бородулина Алевтина Сергеевна — консультант в компании «Аквармарин Проджектс», социальный антрополог, независимый куратор. e-mail: alevtina.ethno@gmail.com

Куприянов Павел Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела русского народа ИЭА РАН. e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159>

Михайлова Виктория Сергеевна — аспирант ИЭА РАН. e-mail: mikhalilova.vikt@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-5634-0480>

Для цитирования: Басов А.С., Бородулина А.С., Куприянов П.С., Михайлова В.С.. Прикладная антропология на Борнео. Интервью с авторами // Антропологии/Anthropologies. 2025. No 2. С. 67–95, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/67-95>

¹ Имеется в виду появление устойчивых коллективов или организаций, специализирующихся на прикладных антропологических исследованиях. Это отдельные частные бюро или специальные подразделения в крупных компаниях (как, например, Центр городской антропологии в КБ Стрелка).

практикой среди антропологов (спорадической и дополнительной для одних, постоянной и основной для других). Словом, сегодня прикладные исследования — это хорошо заметный и вполне легитимный сегмент дисциплинарного ландшафта российской антропологии. По мере его становления и развития все острее ощущается необходимость обобщить, систематизировать или отрефлексировать накопившийся в этой области опыт и все чаще предпринимаются попытки в этом направлении².

Настоящая публикация является одной из таких попыток. Она посвящена прикладному антропологическому исследованию, проведенному группой российских ученых в Малайзии. Принимая во внимание необычность этого кейса (все же реализация прикладных проектов за рубежом для российских антропологов — скорее исключение, чем правило), мне показалось важным, во-первых, просто рассказать о нем заинтересованной аудитории, а во-вторых, порассуждать на этом примере о тех сложностях и сомнениях, с которыми сталкивается антрополог в такого рода проектах. Не могу не поблагодарить коллег за отзывчивость, с которой они согласились на мое предложение, и за откровенность, с которой нам удалось обсудить разные, порой довольно чувствительные, вещи, как правило, остающиеся не только не опубликованными, но и не проговоренными. Ниже представлена сокращенная и отредактированная расшифровка нашей беседы, которой предшествует краткая информация об исследовании от его руководителя Алевтины Бородулиной.

Павел Куприянов

Алевтина: Летом 2024 г. я была нанята новозеландской компанией «Аквармарин Проджектс» как консультант по культуре (в широком смысле) в ключевой состав команды, работающей над туристическим и инвестиционным мастер-планом развития одного из районов Большого Кучинга в штате Саравак (Малайзия, о. Борнео) по заказу администрации Большого Кучинга (GKCDA) для территории с преимущественным проживанием коренного населения Борнео (бидау³). Задачей было создать такой проект развития территории, который сохранял бы местное культурное и природное разнообразие, поддерживал местные сообщества и диверсифицировал местную экономику за счет развития сельского хозяйства и этнокультурного туризма.

В процессе работы над мастер-планом компания «Аквармарин Проджектс» приняла решение создать сопроводительные материалы, которые обеспечили бы стратегически корректное внедрение мастер-плана в части общего архитектурного и визуального облика территории и организации бизнес-процессов и взаимодействия с сообществом. Я взяла этот подпроект и смогла привлечь к нему своих коллег — Викторю и Александра.

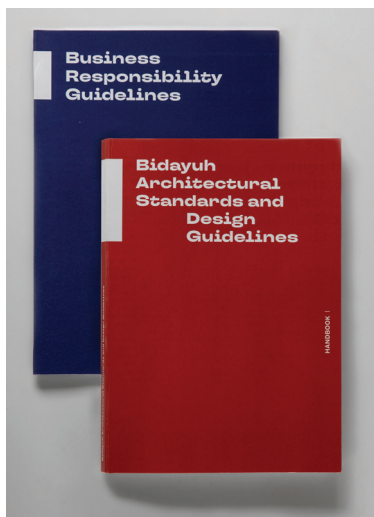
² В связи с этим достаточно упомянуть тематический выпуск журнала «Фольклор и антропология города», посвященный прикладной антропологии (2019, № 3–4), XXIII Школу по фольклористике и культурной антропологии «Прикладная антропология сегодня», организованную Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ (Нижний Новгород, 2023 г.), а также секцию на Конференции молодых ученых в Институте этнологии и антропологии РАН «(Не)идеальный антрополог в прикладных исследованиях: дилеммы, ожидания и ответственность» (Москва, 2025 г.).

³ Зонтичное наименование для части коренных этнических групп Борнео.

В этом разговоре мы обсуждаем только работу над созданием этих сопроводительных материалов — двух руководств, основанных на полевом и кабинетном исследовании и анализе материальной культуры и социальных практик бидаю. «Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines» («красную книгу») мы делали вместе с Викторией, а «Business Responsibility Guidelines» («синюю книгу») вместе с Александром. Первая из них содержит рекомендации, адресованные архитекторам и застройщикам и касающиеся туристической архитектуры и графического дизайна для туристических проектов на данной территории. А вторая посвящена принципам и формам организации социально ответственного туристического бизнеса.

Полевое антропологическое исследование проводилось на территории Большого Кучинга и включало в себя экспертные интервью с различными стейкхолдерами, включенное наблюдение, фотофиксацию современной и традиционной материальной культуры (архитектура, предметы быта, жилая застройка). Общее время работы над материалами — 8 месяцев, из них время моего нахождения на Борнео — 5 месяцев.

Книги, изданные в рамках проекта:

Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines. Aquamarine Projects. Moscow, 2025;
Business Responsibility Guidelines. Aquamarine Projects, Moscow, 2025.

Павел: Расскажи, пожалуйста, с чего началось твоё поле.

Алевтина: У меня все проекты так строятся: «Когда вы к нам приедете? Приезжайте к нам на праздник!» Вот и сейчас я тоже поехала на праздник. В июне в Кучинге проходит большой праздник Гавай, когда не только бидаю, а и все другие местные племена отмечают что-то вроде дня урожая. Раньше в каждой деревне была своя дата, а теперь мероприятие проходит централизованно в городе 1 июня, а потом еще в каждой деревне. Мы — команда «Акварина» — приехали посмотреть на праздник и заодно познакомиться с организаторами, администрацией и нашими местными партнерами, чтобы включиться в работу. Директор и учредитель компании — архитектор, но он также был дизайнером одежды. И самое интересное было то, как он объяснил

свою идею, что именно он хочет создать для мастер-плана: «Я хочу, чтобы все было визуально понятно... Вот когда мы делаем фотографию, например, туристическую, как-то понятно, что мы на Бали. По крышам и не только. И так же должно быть понятно, что мы на Борнео. Нам нужно придумать визуальный язык. Вот ты, например, смотришь на пиджак, и ты понимаешь, что это пиджак Шанель. Не по бирке, а по пропорциям, по пуговицам. А вот этот пиджак — Ив Сен-Лоран. И тебе нужно написать вот эти принципы, по которым мы понимаем, что это пиджак Шанель». Я подумала: восторг-задача! Мне очень понравилось.

Павел: Тебе понравилось чем?

Алевтина: Это очень четкая метафора, челлендж такой. Я же никогда этого в жизни не делала, но как будто бы это очень понятно. В плане одежды это понятно, что есть «ДНК бренда». Задача не в том, чтобы прописать нормативы — а в том, чтобы понять и сформулировать эту самую «ДНК» для территории. Подобный продукт мы даже еще ни разу не видели. Мы искали референсы. Вика показывала в городской застройке какие-то регламенты, брендинг...

Виктория: Но это было не то.

Павел: Не тот «пиджак».

Виктория: На самом деле было не совсем понятно, а что такое мы делаем. То есть мы потратили какое-то время на обсуждение, что мы должны сделать и из каких разделов это должно состоять. Проблема была в том, что нужен был не брендинг территории. Есть туристический мастер-план, а мы должны были сопровождать этот процесс. При этом мастер-план еще сам не закончен, и непонятно, как встроиться во что-то, что само еще в движении. Наша задача была — «схватить» визуальный облик территории, но мы не можем делать жесткие регламенты, потому что мы не в законодательной сфере, а делаем сопроводительные документы. Поэтому мы действительно не могли понять, где между всем этим находимся.

Алевтина: Да, это такая нестандартная задача, потому что обычно... Вот, например, когда я общаюсь с архитектурными бюро, они говорят, что мы сами [все должны сделать]. Если у нас есть задача, условно, построить культурный центр вот на этой территории, мы сами проводим исследования, сами ищем референсы, сами понимаем, как мы будем эту новую архитектуру интерпретировать. Нет такого, что какая-то сторонняя компания проводит исследования для всех будущих бизнесов, которые придут на эту территорию, чтобы они оттуда брали граф-дизайн, архитектурный дизайн и что-то там еще, улавливали какие-то глубинные смыслы. Это обычно каждая компания сама под себя делает.

Павел: Это необычно было для вас. А для «Акварина»?

Алевтина: И для них тоже. Это было видение лично директора.

Павел: Он впервые такое замутил, да?

Алевтина: Да, он просто сказал, что «...я считаю, что должно быть вот так».

Павел: Какие-то базовые рекомендации для всех будущих архитекторов.

Алевтина: Да, чтобы это было не безлико. Мы, говорит, это будем использовать, мои дизайнеры будут это использовать, и граф-дизайнеры, и дизайнеры, которые будут модели зданий рисовать. Но мы хотим, чтобы потом, например, кто-то выиграет условно тендер на то, чтобы новый аэропорт строить, и они бы взяли вот эту нашу книгу...

Виктория: И закрепились за какие-то смыслы, чтобы это все формировалось в едином...

Алевтина: Да, чтобы все развивалось в едином ключе.

Contents	
Introduction	
Why visual standards matter	10
How to use the guidelines	12
How to work with application principles	14
Study methodology	16
Acknowledgements	17
SECTION 1: Cultural and Natural Context	
Region and Ethnic Diversity	20
The Bidayuh: A Modern Society Rooted in Tradition	24
Climatic Context	32
Nature and Culture Connection	34
Application Principles	36
SECTION 2: Planning and Architectural Structures	
Settlement patterns	40
The tree forms of social in architecture	44
Pangah (Baruk)	46
Longhouse	56
Farmhouse	70
Concept of Agroforestry	74
Details	76
Communication and Transition Systems	86
Contemporary Context of Bidayuh Architecture	90
SECTION 3: Visual Language	
Cultural Colours	124
Ornaments	130
Application Principles	158
Showcase	
About the Showcase	164
Modern Longhouse Homestay	166
Agroforestry Glamping	176
Tourist Information System and Trekking Trail Signage	182
Tourist Brochures and Souvenir Products	184
References	
Bibliography	188
List of sources and credits	189

Содержание книги *Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines. Aquamarine Projects. Moscow, 2025.*

Павел: Значит, вот это все началось там 1 июня, условно говоря, не помнишь?

Алевтина: Да, я поехала к 1 июня, ну, может, чуть-чуть, на два дня пораньше, наверное.

Павел: Это была одна поездка? Или ты несколько раз туда ездила?

Алевтина: Сначала я приехала летом, потом вернулась. Потом, когда директор окончательно сформулировал задание на книги, я сказала, что я одна не вытяну за такие сроки — к марту, что мне нужны люди. Сначала Вику при-

гласила. И еще параллельно вторая была задача. Мастер-план рассчитан под привлечение инвесторов, в том числе иностранных инвесторов, для того чтобы они пришли на территорию и тоже все сделали в духе уважения к местной культуре, поддержки местных сообществ, чтобы этот мастер-план развивался правильно стратегически. И для этого нужно было тоже написать какие-то гайдлайны. И вот тут мы еще и с Сашей договорились, потому что Саша — опытный автор гайдлайнов, основанных на международной регуляции.

Павел: А ты опытный автор гайдлайнов? У тебя есть такой опыт?

Александр: Если так формулировать, как во втором вопросе, то да, у меня действительно есть некоторый опыт. Я участвовал в нескольких проектах с лесной отраслью в Российской Федерации. В одном из этих проектов, собственно, у лесных компаний был вопрос: в международных стандартах у них были требования по получению СПОС — свободного предварительного осознанного согласия. Как этого добиваться, что это значит, кто может подписать такую бумагу от лица местного сообщества? То есть концепция понятна очень хорошо — надо договариваться. А вот с кем, как это должно выглядеть — не ясно. Например, люди не приходят. Компании организывают сходы, а они просто не приходят. Или наоборот, они с кем-то договорились, одни пришли, а другие не пришли, и те другие потом возмущаются, пишут в прокуратуру... В общем, там проблемы.

Павел: И ты должен был помочь эти проблемы решить?

Александр: Ну, разве отчасти — конкретно эти проблемы имеют совсем глубокие корни. Моя задача была проще, мне нужно было предложить алгоритм, инструкцию: что нужно делать лесопромышленной компании, чтобы выполнить требование международного стандарта. Надо сказать, что есть довольно большая литература, есть стандарт FSC⁴ и пояснения к нему, есть какая-то академическая литература зарубежная, обсуждающая и критически, и как бы «прикладно», что с этим делать, как это работает или не работает в разных странах, какие способы и так далее. Исходя из этого, я набросал, собственно, гайд, потом обсудил его с людьми, работающими в компаниях, и даже с кем-то из тех местных сообществ, с которыми у них налажен контакт, и написал алгоритм. Это был вот такой опыт. Потом в какой-то момент Алевтина что-то спрашивала про что-то такое в связи с Малайзией. Я ей как-то ответил, и она спросила: «Не хочешь написать и для Малайзии?» И мы договорились, что я напишу формальную часть: что надо было бы иметь в таком гайде для Саравака, исходя из международных стандартов в области туризма на территориях коренных народов. Я посмотрел такие стандарты, сские, скомпилировал соответствующий этим стандартам набор требований. А местную специфику... мы думали, что попросим местных этнологов или антропологов, которые там работают, там есть великолепные, в первую очередь англоязычные, британские антропологи, которые работают в Малайзии, в том числе

⁴ FSC — Forest Stewardship Council (Лесной попечительский совет) — одна из международных некоммерческих организаций, продвигающих ответственное управление лесами. Маркировка FSC на продуктах ставится, если лесопромышленные компании-производители прошли процесс сертификации, удостоверяющий соблюдение экологических и социальных стандартов, разработанных FSC, включая лесовосстановление, сохранение биоразнообразия и защиту прав работников и местных жителей.

с *бидаю*. Но это все не получилось, и в итоге пришлось локализацию тоже делать исходя из письменных источников. И у меня появился второй этап работы, включавший, помимо работ британских антропологов, магистерские диссертации местных студентов, и PhD-диссертации, и разнообразную местную прессу, исходя из которой я пытался понять, что из собранных требований релевантно, а что нет. Удалял нерелевантное и добавлял что-то важное для местного контекста. После чего Алевтина это показывала еще своим знакомым *бидаю*.

Алевтина: Я ребят привлекла, сказала, что будет две книжки: тебе одна, тебе вторая, а я поеду заново туда, собирать уже какой-то полевой материал, знакомиться с людьми и понимать, что там происходит, и давать какую-то полевую информацию. Второй раз я прилетела в октябре и после небольшого перерыва на зимние каникулы вернулась в конце февраля.

Павел: А потом вы интенсивно в течение марта, как я помню, работали?

Виктория: Нет, мы все параллельно все делали. Пока Алевтина была на местах, ей прилетали запросы от нас, что надо срочно пойти что-то посмотреть или узнать. И Аля уже на месте старалась разобраться.

Алевтина: Мы работали в процессе, параллельно. Первое время я жила в самом Кучинге и выезжала в окрестные деревни, то есть в «Большой Кучинг» на выходные или на какие-то мероприятия. А в декабре я уехала жить в деревню в исследуемом регионе. И это был очень крутой опыт, потому что вот я прямо жила в хоумстее⁵ — это когда есть хозяева дома, и ты с ними живешь, и у них есть, условно, ферма, этот вот кусок джунглей, который они обрабатывают; и мы туда ездим, собираем дурианы, или едем в деревню, в которой сохранился лонгхаус⁶. Меня возили везде, куда я просила. И в какой-то момент инсайт произошел. Я не знаю, насколько он правильный. Я буду очень рада, если местные ученые нас потом в итоге почитают. Честно говоря, у нас был соблазн в какой-то момент: мы нашли готовую диссертацию, как раз по нашему региону, по нашей архитектуре, местного парня, который поехал учиться на архитектора в Новую Зеландию. Мы сначала думали: все, мы сейчас просто это берем и на основе этого пишем рекомендации. Но после того, как я сделала свою этнографическую работу... я поняла, что мы пришли к другим выводам. И это интересно. И когда я потом показала их местным, они сказали: «это хорошо, это классно». Им понравилось.

Павел: Местные — это кто?

Алевтина: Я была там, в хоумстее, в последние недели декабря. А они, в общем-то, христиане, очень такие воцерковленные все, и в эти недели приезжала куча родственников, или приезжали просто большие очень семьи в хоумстей гостить. И я там со всеми общалась, и была прекрасная этнография, очень удобная... Вот сейчас будут шутки про колониальность, но я сидела, получается, в хорошем месте, и ко мне приезжали разные группы, прям се-

⁵ Домашняя гостиница, дом, где как правило живет семья *бидаю*, а часть комнат сдаются туристам. Семья также организует досуг и готовит еду.

⁶ «Длинный дом», традиционная форма жилых построек на Борнео.

мейные расширенные группы. И я им говорю: «Ребята, я изучаю ваш дизайн». И это было так трогательно, кстати, что они говорят: «Наш дизайн? Ой, как мы вам сочувствуем. Лучше бы вы изучали *ибан*⁷. Вот там так интересно, так там все красиво. А у нас какой дизайн?». — «Да он у вас классный, такой минимализм! Сейчас я вам все расскажу! Сейчас я вам расскажу, как все красиво».

Павел: Хорошая этнография такая...

Алевтина: Рассказываю свою теорию про отличие длинного дома *бидаю* от длинного дома у остальных индигенных групп Борнео, которая ко мне пришла. Инсайтная теория. Я пыталась ее тестировать, как она будет откликаться.

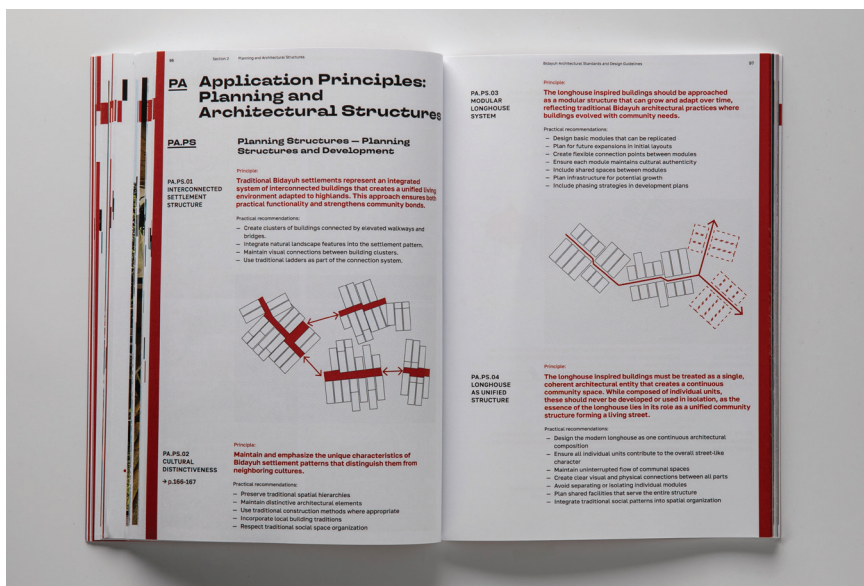
Павел: Нет, ну ты все же скажи, в чем она, суть-то в чем?

Алевтина: В общем, смотрите. На этой территории, вообще на Малайзийском Борнео проживает много разных индигенных племен. Самое крупное — это *ибан*, но есть и другие. И у них у всех есть эти длинные дома, которые, наверное, вы все знаете из классической этнографии. Но это не длинный мужской дом, а практически «коммуналка» с общим коридором и отдельными комнатами. И когда началось городское строительство, которое хотело подчеркнуть местную самобытность, они делали отсылку к круглому дому ритуальному, который отличал, собственно, наших *бидаю* от остальных племен, потому что у остальных его просто не было. А у *бидаю* был этот круглый дом. И вот если мы даже приводим в пример сити-холл или парламент — они все построены как референс к этому круглому дому. А длинные дома — вроде как у всех длинные дома. А потом я поехала посмотреть на то, что происходит в Индонезии, потому что там родственные племена, и у них как раз в архитектуре очень много референсов именно к длинному дому. Но у этих племен, у всех, кроме наших, длинный дом — это вот такой прямой длинный коридор и отдельные комнатки. А у наших длинный дом — вообще не это. Это много разных домов, они могут быть как бы под одной крышей, могут быть сейчас уже под разными крышами, но главное, что их объединяет — это открытая бамбуковая галерея, которая, по сути, бамбуковая улица между домами... И мы потом поняли, почему это произошло: была история хэдхантинга, когда племена друг с другом активно боролись, и вот там охотники за головами... Если хочешь произвести впечатление на свою любимую девушку, подари ее родителям голову врага. Вот такой подарочек. И это вынудило их уйти в горы. Остальные племена живут вдоль рек, у них большое количество плоского пространства, поэтому они могут этот длинный дом себе устроить. А те, кто ушел в горы, потеряли эту возможность. Может, у них изначально тоже были вот эти прямые дома, но у них теперь нет плоской земли. И поэтому теперь их архитектура — это отвоевывание этой плоской земли за счет того, что они просто ее выстраивают над джунглями с помощью длинной бамбуковой галереи. И по краям ее строят уже не прямые — потому что ты же привязываешься к горе, к ландшафту — а уже изогнутые по-разному ветвящиеся длинные дома.

Павел: Папоротникообразные.

⁷ Другая индигенная группа Борнео, более многочисленная и хорошо изученная.

Принципы применения: планировочная и архитектурная структура. Фрагмент книги
Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines. Aquamarine Projects. Moscow, 2025.

Алевтина: Это потом я уже гуляла (там же самый туристический продукт — это прогулки к водопадам, по джунглям), и я смотрю на папоротник и думаю: боже мой, какой красивый, фрактальный, математически правильный. А потом, когда вот в этой деревне, где длинный дом сохранился, мне стали рассказывать: что ты же не понимаешь, что каждая улица — это семья. Что вот, например, есть дом. У меня вырос сын, и он хочет себе отдельное жилье. Мы просто берем и строим от этого дома новое ответвление; появляется новая улица... Это все наша расширенная семья, и мы все друг друга знаем, и мы [эту постройку] вместе ремонтируем, и вот так это все устроено. Это такой естественный, очень органический рост этого дома.

Павел: И инсайт в том, что у них тоже длинный дом, но он такой вот особенный, обусловленный их специфическим ландшафтом?

Алевтина: Да, что они уже осмыслили, собственно, *барук*, круглый дом; а вот этот, длинный, что это тоже наследие архитектурное — еще нет. А потом еще, когда меня отвезли собирать дуриан, я увидела там потрясающий такой как бы просто домик, который стоит среди джунглей. Я говорю: «Ой, Вика, кажется, есть три уровня социальности и социального масштаба у этих зданий. И когда мы будем рекомендовать, давай соотносить: если мы делаем сити-холл, то это вот — круглый дом, потому что он традиционно собирал всех в одном месте; если мы строим что-то такое типа гостиницы, то будем отсылать к длинным домам, потому что это размер, масштаб семьи; а если мы хотим глэмпинг или виллу одиночную, то тогда мы отсылаем к *фармхаусу*, потому что это гармония природы в джунглях».

А потом еще пришло понимание, что этот длинный дом не умер. Он вообще практически везде разобран, люди не хотят жить друг с другом, потому что он пожароопасен и потому что люди хотят какой-то приватности — но сохранились такие платформочки, тоже из бамбука, где до сих пор сушится все, что нужно сушить — урожай, одежда, еда. И когда я спросила, оно так же называется, как вот эта галерея бамбуковая? Мне сказали, что одно и то же слово используется. И я думаю: «О, то есть длинного дома нет, а *танжу*, эта галерея, получается, раздробилась, и при каждом домике стоит вот такой кусочек этой галереи-*танжу*. И это так симпатично, что он не умер, он живет, но вот уже в таком деконструированном виде. Я спрашивала: «Ребята, как вам эта мысль?». А они: «Ну да, это — *танжу*, и это — *танжу*».

Павел: Понятно. Так, возвращаемся к таймлайну. Значит, в феврале ты вернулась?

Алевтина: Да, но все это я надиктовала Вике еще в декабре, в конце декабря, и Вика пошла в архивы, книги стала смотреть. Нашла *фармхаусы*, референсы, как они выглядели, потому что я-то видела только современные, уже только бетонные, а Вика нашла оригиналы. Ну и, в принципе, вот это все, высказанное просто как догадка — оно потом срослось.

Виктория: Да, я все это дело отсматривала, писала какие-то свои мысли, мы с Алевтиной это все обсуждали. Изначально мы предполагали, что мы делаем что-то вроде каталога с визуальными элементами, которые находим в поле. Собираем, допустим, орнаменты, пишем к ним какие-то объяснения, комментарии и так далее. В процессе, пока мы все это презентовали директору компании, он говорит: «Слушайте, нам нужно еще регламенты к этому всему дать...»

Алевтина: Потом он говорит: «Ну, нам же нужно еще и показать, как это работает. Давайте просто сделаем еще одну деревню целиком...»

Александр: И из этих двух месяцев надо затратить еще значительное время на оформление и подачу этого всего, чтобы оно выглядело симпатично и красиво. Верстка, изображение, укорачивание текста и так далее.

Виктория: Мне кажется, в контексте вообще каких угодно социальных исследований, из-за того, что чаще всего социальные исследователи работают с текстами, в первую очередь, очень недооценена власть и влияние последующей визуальной подачи. Потому что сама верстка книжки — она очень сильно ограничивает; вообще сам макет ограничивает, сколько и какой информации у нас попадет внутрь этой книжки. Опять же, тип книжки — для кого мы это делаем? Допустим, для каких-нибудь местных предпринимателей. И поэтому это не может быть книжка альбомного типа, то есть огромная, формата А4 — она должна быть меньше. Но при этом она должна быть достаточно большой, чтобы туда поместился какой-то все-таки читаемый визуал.

Алевтина: Характер текста влияет — тебе нужно быть понятным и легко читаемым.

Виктория: Поэтому у нас было целое искусство — на определенный разворот расположить какое-то название, тезис, подблоки. И вот из-за того, что нам пришлось деконструировать всю мысль на какие-то отдельные подблоки, в которых помещается каждая фраза, каждый смысл на отдельный разворот, мне кажется, что отчасти нарратив сложился специфичным образом, потому что нам пришлось делать эту работу.

Павел: Ну, то есть формат книги и жанр как бы определил...

Виктория: Да, очень много, на мой взгляд. Это важный момент.

Алевтина: Мне кажется, классно, что это мы контролировали. Потому что если бы мы отдали кому-то, то получилось бы неизвестно что. А так как мы сами контролировали весь процесс, мы знали, что мы хотим сказать на каждом развороте, и приоритетность — выделяли ключевые слова; сами сокращали и сами там все делали. Это получился именно целостный продукт. И это очень круто.

Виктория: Да-да-да, это хорошо.

Павел: Если бы у вас сейчас появился похожий заказ, то как бы поменялся бы ваш график работы?

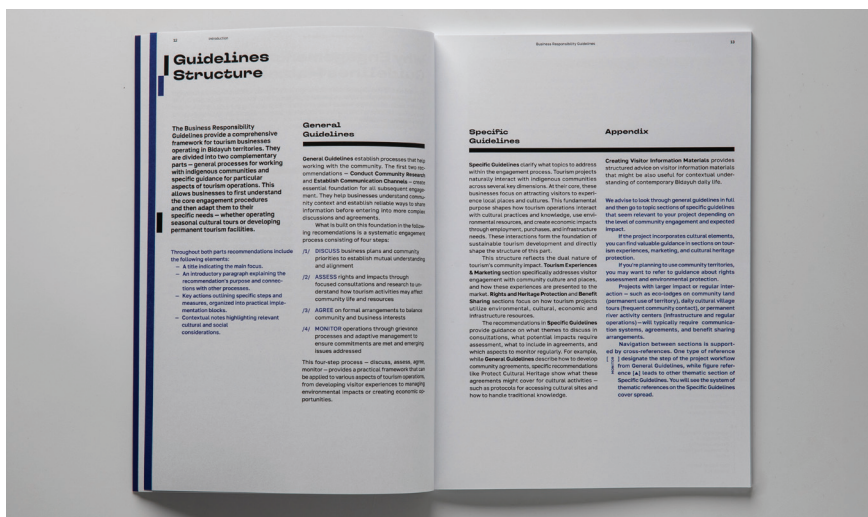
Алевтина: Я думаю, я бы вернулась еще раз в поле с препринтами этих книг и организовала бы серию встреч со стейкхолдерами и местными антропологами для обсуждения и сбора фидбека, но, к сожалению, пришлось собирать его удаленно по своим контактам, и это не было выстроено в какую-то специальную процедуру. Но надо отметить, что в нашем случае заказчик, GKCD, или агентство по координации развития Большого Кучинга, и есть орган, представляющий интересы *бидау* и где все работники преимущественно *бидау*. И на презентации наших материалов мы получили очень позитивный отклик.

Александр: Да, собственно, синий гайд — он же во многом именно про это, про то как налаживать и поддерживать систематическую коммуникацию с местными заинтересованными сторонами, учитывать их ожидания, опасения и все такое. И правильно было бы, если бы мы, так сказать, следовали своим же советам — ну и мы набрасывали заинтересованные стороны, кто бы это мог быть: примерно так, а там «ближе к делу» разберемся. А «ближе к делу» в том смысле, чтобы все это последовательно и методично сделать, никогда не наступило, и вместо этого получился такой неформальный и не очень систематический контакт, немного «на коленке».

Павел: А вот скажите, коллеги, мы все тут участвовали в разных прикладных проектах. У вас есть хоть один прикладной проект, который не вызывает после его завершения каких-то таких ощущений, что, эх, ну... Потому что я вот какой ни возьми — какие-то уже забылись, давно были, и может быть, я слишком обобщаю — но какие-то знаковые для меня проекты, они все сопряжены с какой-то ложкой дегтя. Так все вроде классно сначала — делаешь, придумываешь, все получается, тоже в последний момент какие-то инсайты, какая-то коллаборация неожиданная, раз, получилось, никто не спал, все сде-

лали, а потом бац! — не перевели на английский... Поэтому все те, кто должен был это все прочитать, они этого не прочитали, и это никуда не пошло...

Структура гайдлайнов. Фрагмент книги *Business Responsibility Guidelines. Aquamarine Projects. Moscow, 2025.*

Александр: Нет, вот эта вся часть, которая «никто не спал, все сделали», это же тоже в важном смысле «сделано на коленке». Так не должно быть.

Павел: Как будто бы в этих прикладных штуках как-то не получается нормально.

Виктория: А потому что, во-первых, всегда есть дедлайн. Когда есть заказчик — есть дедлайн, и обычно этот дедлайн совершенно не соотносится с нашими идеями, иллюзиями, академической практикой исследования, когда у тебя есть время долго исследовать, есть время рефлексировать и так далее. В прикладных проектах такого не может быть. Деньги, сроки, все сжато.

Алевтина: Но, согласись, полгода это шикарно.

Виктория: Нет, у нас в этом случае, в сравнении, допустим, с российским контекстом, когда у тебя две недели, а тут у нас было полгода — это вообще-то ничего себе. Но все равно. Плюс вопрос менеджмента. Потому что в большинстве своем нет менеджеров на проектах, которые понимают специфику, например, социального исследования. В идеальном мире таким человеком должен стать кто-то из нас.

Алевтина: Проджект-менеджмент — это вообще-то очень специфический навык. Нас ему, если честно, не особо учили, и тут важен опыт работы в такой роли. Вот, например, на одном из моих проектов в другой компании

была отлаженная система в Notion⁸. Я очень хотела сделать нечто подобное и здесь. Чтобы любой участник мог легко внести свой вклад: услышал что-то о кулинарии — а у нас в команде, кстати, был и ответственный за кулинарную книгу — и ты сразу занносишь это в нужное место: интервью со ссылкой на дату, профиль информанта, цитатой... Чтобы все было взаимосвязано!

Я мечтала выстроить такую систему, но оказалось, что за этим стоит отдельный пласт менеджмента: нужно постоянно напоминать людям, уговаривать их пополнять базу. А сами они не хотят в ней разбираться и тем более — самостоятельно в ней копаться. Нужно уметь выстроить всю эту инфраструктуру, архитектуру... В общем, организовать процесс.

Александр: Фактически, мне кажется, что скорее вот в этом проблема в нашем случае. Не в том, что недооцениваются какие-то исследовательские процессы или их невозможно уложить в прикладную логику. Взаимодействие разных людей и все, что мы закладывали, мы закладывали с мыслями «хорошо бы», предполагая, что это реализуется как-то само собой или кто-то другой это наладит, например, сделает встречу со стейкхолдерами. В общем, в процессе это ощущалось как нехватка времени, но постфактум кажется, что скорее не хватило организованности. Плюс, конечно, как часто в больших проектах — многое зависит от внешнего контекста, который живет своей жизнью, меняется — а за ним меняются и требования, и дедлайны.

Алевтина: У нас была длительная полевая работа, и в нее можно было все это уместить. И если исходить из таких стандартов, если брать вот этот таймлайн за золотой стандарт, туда реально уместить все, что нужно. И теперь мы понимаем как. И понимаем, какие ресурсы нужны и когда их подключать.

Павел: Скажите мне, пожалуйста, вот что. У вас у каждого были сомнения по поводу этого проекта? Ну, вот когда поступило предложение. Какого рода сомнения, и почему они были отмечены? Стоит ли в этом участвовать? Каждый раз, когда тебе выкатывают предложение какое-то, ты каждый раз взвешиваешь, правильно?

Александр: Ты имеешь в виду изнутри этого проекта, по содержанию? Просто мои основные сомнения были скорее «снаружи»: как это встроить в то, чем ты и так сейчас занимаешься.

Виктория: Для меня, например, если смотреть на проект в целом — что мы должны сделать какой-то продукт, связанный с мастер-планом в другой стране, с международной командой — это было интересно. Это, действительно, как Аля сказала, челлендж какой-то, о котором думаешь: «о, мы должны это пройти». С этой точки зрения не страшно. Страшно было в том плане, что действительно из нас ноль человек экспертов по Малайзии. А тут мы, значит, занимаемся описанием Малайзии. В любом случае какая-то рефлексия по этому поводу существует — но, по крайней мере, я понимала, что я иду на проект, связанный с территориями, с визуалом, с пространством и так далее. В этом у меня есть компетенции, на которых я могу нормально стоять, и поэтому я такая: ну ладно. С учетом, что изначально предполагалось, что у нас там будут какие-то местные эксперты, плюс Алевтина была в поле, собирала этот

⁸ Интернет-платформа для управления проектами с гибкими базами данных (<https://www.notion.com/>).

материал, то есть в любом случае это материал, который собран на месте, а не только кабинетное исследование — мы с моей совестью в этом плане договорились. И более того — что мне показалось действительно ценным — это бенефиты от длинного исследования, что есть время найти какие-то очень неочевидные вещи, что мы действительно там как-то вкопались, посмотрели. А еще чем можно очень сильно гордиться и чем, мне кажется, мы должны всем хвастаться — это нашей картой, которую мы сделали. Вот где полевой материал-то! Ну ладно, собрали не мы, с нами поделились этим материалом.

Павел: Какой картой?

Виктория: Это момент, который помогает нам немножко дружить с нашей совестью. Это то, как мы описывали *бидаю*. Грубо говоря, есть *дая-ки* — такая метagруппа, внутри которой на данной территории она делится на *бидаю* и *ибан*. И все вроде как бы знают *бидаю* и *ибан*. Все, больше ничего нет. А Алевтина, когда работала, нашла человека, который уже там проводил, собственно, research и который подсказал нам, что «*бидаю*» — это тоже такой зонтичный термин, то есть это широкое описание разных сабтрайбов.

Алевтина: Ну, не совсем так. Я первый раз еще, когда пошла в университет, поговорила с местным антропологом. Он мне объяснил, что «*бидаю*» — это вообще тоже такой конструктор, еще всем конструкторам конструктор. И дальше, я когда взаимодействовала, поняла, что они называют себя еще другими именами. Они мне стали рассказывать, что у них есть пять разных языков только на одной территории, на которой мы работаем. И когда я пыталась понять, что они друг другу говорят, то я думала, они друг друга по названию деревни узнают: «а, ты Бау», «а ты Би-Паро». Но Бау — это территориальное название, а Би-Паро — нет. Я поняла, что им важно это внутреннее различие. И это клевое, если мы будем достаточно внимательными именно к этим внутренним различиям, что эти субгруппы, у которых собственный язык, у которых своя одежда, свои орнаменты — что они все разные, и они друг друга идентифицируют по этим субгруппам. И мы на это обратим внимание будущих инвесторов. И потом уже я нашла человека, который просто передал мне текст и сказал: вот, если ехать по этой дороге, слева будут эти, справа эти, вот! И мы потом это визуализировали.

Павел: Но при этом все-таки «*бидаю*» остался таким базовым термином, базовой категорией.

Александр: Ну, потому что это же эпизод местного национального строительства. Все эти унификационные процессы — они на Сараваке в эту сторону идут. Там есть обобщение в один праздник, да, один день.

Алевтина: Да, есть такое, есть конструирование. Но еще что важно, территория наша, Мамбонг-19, это избирательный округ. И поэтому наша задача была скорее сделать вот такую книгу для условно этой местности. С очень размытыми границами.

Павел: У меня был опыт работы с музеем Басманного района. Очень похожая история. Басманный район — это административная единица. Не избирательный округ, но все равно это некоторая довольно искусственная конструкция. Но есть люди, энтузиасты, которые делают музей Басманного района, он довольно успешный, долго существует, вот десять лет уже. И мне интересно,

Алевтина: Нет, для меня все-таки главный конфликт был между тем, что-бы не делать из Мамбонга какую-то сущность...

Александр: То есть, у тебя ощущение, что *бидаю* существует. У тебя не было проблемы, что ты такая приехала исследовать *бидаю*, а там нет *бидаю*, а есть жители Анна Раис (Annah Rais)?

Алевтина: Нет, они себя-то называют и как *бидаю*, и как конкретных жителей Анна Раис, если ты их спросишь. Потому что понятно, что они сами ко мне обращаются как к внешнему наблюдателю, которому детали эти все не очень важны. А потом еще выясняется, что есть, в принципе, «*даяки*» — слово, которое уже не употребляется в официальном дискурсе, но при этом это слово объединяет и *бидаю*, и *ибан*, и индонезийских *даяков*. И представляет вот такую большую индигенную общность, которая разделена искусственно государственными границами, но при этом действительно имеет и общие этнические и культурные корни, и общие ритуальные практики, и даже обмен реликвиями. То есть там вот эти потрясающие деревни, где люди просто пешком переходят границу, и сначала кормят черепа в деревне *бидаю*, а потом в другой год все идут кормить черепа в индонезийской деревне. И они объединены там, условно, одной горой. Это уже другая история. И для них она важная, и мы как бы этот уровень считали: что есть государственный дискурс такой, и есть этот индигенный дискурс, другой. Есть еще эти локальные дискурсы и языковые различия. Но то, что они друг другу противоречат — это нет. Просто есть разные уровни, разные дискурсы...

Павел: Да, конечно. И Басманный район тоже есть, он есть, потому что, например, у него есть МФЦ, и в какой-то момент жители Басманного района вполне себя осознают жителями Басманного района. Но в какой-то момент — нет.

Я про то, что эта реальность, которую мы наблюдаем: мы видим, что она сложная. И, в частности, идентичность — локальная, национальная, этническая — какая хочешь, она тоже сложная. Она такая вся пульсирующая, какая-то меняющаяся. Но это все хорошо, если ты статью пишешь. А если ты должен сказать, как людям строить здесь дома или как им тут развивать туризм, то ты должен как бы четкие ответы дать какие-то.

Алевтина: Кто тебе сказал?

Павел: Да они четкие! Вот я когда прочитал, я вижу здесь довольно четкие ответы. И у меня как бы вопрос. И мне очень нравятся эти книжки — не только потому, что они красивые — но и потому, что они очень классные. Ты читаешь, и тебе хочется немедленно поехать в Саравак, развивать туризм или строить там какие-нибудь классные штуки, которые обыгрывают эту традицию или как-то там ее интегрируют, или креативно развивают и так далее. Но у меня много вопросов к этому. Это слишком все четко, слишком все акkuratненько, слишком все... как-то все укладывается очень хорошо.

Виктория: Мы это все осознаем.

Павел: Смотрите, я вот это все читаю — и я сначала узнаю там своих путешественников начала XIX века, которые описывают вот этого экзотического

Другого. Они говорят: ой, тут такое место, тут столько живет народу. Тут даже не разберешь, такое множество языков, такая cultural diversity, что, в общем, ну... Тут и *даяки*, и *ибан*, и эти *бидаю*, и не *бидаю*, а там вот полно всяких еще. Это вот Россию так описывали европейцы в эпоху Просвещения. Или, например, прекрасная история здесь, про то, что, *бидаю* — это такой народ, у которого вся материальная культура что-то значит. Вот это такой, на самом деле, топос описания традиционной культуры, такая гиперсемиотизация. Все: крыша, орнамент крыши — он что-то значит, вот этот вот basket — он что-то значит, вот у нас это «танжу» — это отражение, значит, определенной социальной структуры. Господи, какой насыщенный мир у этих *бидаю*! Просто у них куда ни шагни, везде есть какой-то смысл, что-то «отражает»...

И вот у меня гипотеза такая: этот формат — прикладная работа — вынуждает нас упрощать. Она требует от нас понятных ответов. Она говорит нам: ребята, так что в итоге? И мы должны сказать, что «в итоге»: вот этот ромбик в сочетании с таким вот элементом — вот это оно и есть наш паттерн культурный, наш heritage, и тому подобное. А если ты на это смотришь с точки зрения исследовательской, то твоя задача — вскрывать сложности. И эта сложность всегда такая плохо укладываемая. Она всегда то есть, то нет, она всегда никуда не лезущая.

Виктория: Мой ответ к этому спичу: я хотела сказать, что у нас была задача описать и дать какие-то комментарии к каждому из объектов. Моя задача была собрать какое-то количество визуальных образов и дать им описание. Такое описание, которое поможет использовать это в прикладных целях, потому что цель, задача этой книжки именно в этом. Поэтому сам жанр вынуждает делать такой текст. Вот эти рамки и задают такое упрощение.

Алевтина: Да, мне кажется, история-то в том, что мы делаем не академическое исследование и даже не прикладное исследование. Мы делали продукт, и мы хотели, чтобы он был целостный и красивый, и что из него могут родиться еще новые классные идеи. Это должна быть прямо-таки цельная картинка. Хочется сказать слово «Библия», но не Библия. То, что лежит где-то в важном месте в «доме Шанель», и все приходящие главы дома ее открывают.

Александр: Нет, я не хочу спорить, я согласен в целом. Мне кажется, что, как я понял ответ Вики, я бы примерно так же ответил. Кажется, это претензия к словарю. Если ты открываешь словарь и смотришь, то там везде определения. Точно так же и здесь. Почему везде символы какие-то — ну, заказ ведь был, чтобы это было про символы: какие символы, какие значения, с чем связываются и что используют. А с другой стороны — да, то, что Аля сказала. Но чтобы ответить на твой вопрос... основание вопроса мне кажется несколько сомнительным. С одной стороны, мне не кажется хорошей иерархией, что академическое исследование ценнее, чем прикладное. По какой шкале оно лучше, в чем? Ну, по истине, да? Действительно, если мы исследовали не академически, а прикладно, «под продукт», где-то мы «обманули»: мы выдали простую целостную картинку за... как если бы она была реальностью, а не вот эта многогранная сложность взаимодействий, не схватываемая, которую ты наблюдаешь, если ты честно смотришь. Так, да?

Павел: Ты с этим не согласен?

Александр: Я не согласен с тем, что одно ценнее другого. Или что это такой обман, нелегитимный обман. Когда ты делаешь, например, лодку, от тебя не ждут, что ты сделаешь самую настоящую лодку или такую лодку, которая воплотит в себе всю, я не знаю даже что, что бы это могло быть. Не этим определяется достоинство лодки. Точно так же и вот эта книжка: она же дальше будет жить какой-то своей жизнью вот в этой сложной сложности и порождать какие-то смыслы. Вот в этом смысле, мне кажется, претензия в неистинности к ней будет просто некорректна, потому что она не про истинность. Кроме того слоя претензий, который можно предъявить, и о котором я не задумывался до твоего вопроса. Действительно, когда мы сделали вот эту подмену и подали как цельное представление о культуре (ну, допустим, мы это сделали, хотя тоже с оговорками) ту ситуацию, где в реальности какая-то сложность цветущая или гниющая происходит — какие у этого структурные последствия? То есть в какое неравенство, в какие беды мы вложились этим? Если мы в какие-то вложились, вот за это нас, конечно, надо бить по рукам. Но в какие, мне трудно сказать. Кроме того, что мы развиваем капитализм, а это плохо.

Виктория: Мы этой работой действительно не претендуем на какую-то всеобъемлющую истину. У нас есть высказывание, которое привязано к конкретному территориальному проекту. Мы связаны, мы в любом случае привязаны к этому мастер-плану, и мы включены в него. Этот текст — это, опять же, не регламентирующий документ, то есть это не регламент, а сборник рекомендаций. Нет такого, что сейчас надо пойти и законодательно это все дело закрепить и начать это все насаждать. Это — наше высказывание, которое ложится на этот подвижный мир. Они что-то примут и используют, например, если оно найдет там отклик. Потому что в этой книжке есть много того, за что можно зацепиться. Ты можешь зацепиться за *танжу*, но не зацепиться за крышу. Говорим ли мы тогда, что мы воспроизводим исключительно этот лонгхаус именно этой социальной структурой? Нет. Это набор некоторого вдохновения. Что-то приживется лучше, что-то вообще не приживется. И это будет ответом на наш тезис — посмотрим, как это будет жить в будущем.

Алевтина: И главное: мы тут написали «Bidayuh Architectural Guidelines», но в книге мы поясняем, что вообще-то есть разные бедау, и вот эти конкретные орнаменты мы брали только из нашего региона. И у если у вас будут объекты в других регионах, используйте метод, но не используйте именно эти орнаменты. Они там будут какие-то другие, вы можете к ним отослаться лучше, чем к нашим. Так что мы не закрепляли эту общность, мы ее не ограничивали. Мы говорили: вот тут на этой территории, вокруг этой дороги примерно, если наложить карту этого избирательного округа — тут вот такие ребята, они вот такие штуки делают. Вот и все.

Павел: Чтобы закончить с этой темой: у меня есть такое предположение, что когда тебя нанимают только на исследование, тогда у тебя руки как будто бы более развязаны. Ты можешь исследовать, и эту сложность, которую ты там обнаружил, представить. А уж о том, как это конвертировать в какие-то там продукты, это пусть голова болит у твоего заказчика.

Виктория: Да, но дело в том, что заказчик-то может вообще сделать все что угодно с этими данными.

Александр: Или ничего не сделает, или ничего не сможет.

Алевтина: Или от этой сложности придет в такой ужас, что это твое исследование вообще никак не отразится на результате.

Виктория: А в нашем случае мы, понимая сложность, упрощали сознательно.

Александр: Павел, а ты это к чему?

Павел: Я к тому, что вот мы вроде бы сейчас все чаще оказываемся в ситуации, когда мы не просто наняты на конкретные исследования, а когда мы делаем нечто большее. Или когда исследование под определенные цели, и от нас требуют ответить, «сколько вешать в граммах». Просто я хочу зафиксировать: эта ситуация заставляет нас упрощать, идти на сделку с совестью.

Алевтина: Слушай, не хочу так говорить. Во-первых, не упрощать. Извините, но это большая творческая работа. Это не детская книжка. Это не тот случай, когда ты написал статью, а потом написал статью для шестилетнего ребенка. Это творческий продукт. Вот то, что я делаю, например, для музеев, национальных парков и пр., я же не приношу исследования, а дальше «вы, бедные музеи, сидите и читайте». Всем нужен твой не только интеллектуальный, но и креативный вклад. То есть просто собрать истории, и все — это непродуктивно, потому что происходит разрыв. Книжек по этнографии море, зачем звать антрополога, который к тебе придет и тебе что-то опишет. Меня сейчас зовут не столько для того, чтобы я провела исследование, но говорят: «А придумай, что мы с этим сделаем. Вот у тебя там „Старухи“⁹ классные, а давай мы и у нас сделаем что-то такое». И там надо придумать, что это «такое». И по-другому не получится. Ты не будешь делать просто абстрактную антропологию всего и вся. Ты делаешь сразу уже творческий продукт. И мне кажется, что то, что мы сделали, это определенный жанр.

Виктория: Я бы еще сказала, что это некоторый перевод на другой язык, грубо говоря. Вот, например, работаю я с архитекторами, и если я пришла, собрав какой-то материал, просто отдать им этот материал — это будет непродуктивно. Вероятно, его даже не прочитают. Нужно все переработать, решить эту проблему перевода.

Павел: Меня интересуют потери при переработке.

Алевтина: Да, это хорошо. Потери при переводе у тебя происходят всегда. Мне кажется, что антропологи — помнишь, нам говорили всегда — это переводчики между культурами. Вот ты рождена, Вика, в культуре архитекторов, и ты потом получила свое второе рождение в культуре антропологов. И теперь ты можешь быть вот этим антропологом — переводчиком, медиатором между архитекторами и академиками. Точно так же, как я: я получила там свое первое рождение в антропологии, потом второе в кураторском музейном искусстве, и теперь я могу быть вот этим антропологом, связующим,

⁹ Имеется в виду выставочный проект «Старухи о любви», реализованный Алевтиной Бородулиной совместно с Еленой Наумовой в с. Учма Ярославской области.

медиатором между тем и тем. И всегда, когда мы производим антропологию между культурами, мы нечто создаем. Что-то третье. И там происходят потери, но при этом происходит и создание чего-то.

Александр: Паша спрашивает, и из твоих ответов у меня складывается ощущение, что ты веришь. You're a believer. Ты веришь, что то, что ты сделала, это отражает некоторую правду. Почему, если я правильно понимаю, он говорит, что это упрощение? Потому что то, что тут представлено, является просто буквально упрощением того, что происходит в жизни тех людей, которых мы тут называем *бидая*.

Алевтина: Я верю, что, действительно, этот жанр перевода такого, все-таки это не просто упрощение, но какая-то новая форма, где... мы берем корзинку и потом переводим ее в графику, мы создаем текст такого языка, который понятен дизайнеру. Мы создаем вот этот перевод. Это то, с чем потом графический дизайнер будет работать.

Анализ орнаментов. Фрагмент книги *Bidayuh Architectural Standards and Design Guidelines*. Aquamarine Projects. Moscow, 2025.

Александр: В общем, мне кажется, что бессмысленно оценивать такого рода творческие произведения с точки зрения потерь в истинности, потому что они не считают это ценностью.

Виктория: «Они» — это ты про нас?

Все смеются

Александр: Продукты!

Алевтина: Нет, все равно же мы должны опираться на *какую-то* правду жизни.

Все смеются.

Павел: Хороший акцент.

Александр: Алевтина, что важнее, чтобы красиво было или чтобы по правде?

Алевтина: Нельзя так ставить вопрос.

Александр: Почему? Так, а в итоге-то красиво или по правде? Или тебе кажется, что ты всегда сочетаешь то и другое досконально? У тебя все и «красиво» и «по правде»?

Алевтина: Понимаешь, там не сто процентов красиво и не сто процентов по правде, но важно, чтобы было по правде и важно, чтобы было красиво. Это как будто такие ингредиенты, которые надо взболтать, но не смешивать, и там что-то должно произойти.

Александр: А входит ли тогда дисклеймер? Входит ли в этот продукт дисклеймер, сообщающий, что мы вот тут смешали, какую-то правду сказали, а какую-то нет, потому что не смогли. Или это дисклеймер, который входит в жанр?

Алевтина: Ну да, он входит в жанр.

Александр: По-моему, нет. У нас там есть какие-то аккуратные слова, которые мы подстилаем как соломку, чтобы к нам нельзя было придраться... что мы вот как бы что-то сделали. Вот такие. Но мне кажется, что сам жанр так устроен, что ты должен продавать видимость, что у тебя совпало «красиво» и «по правде» точно. Как будто бы потому, что у тебя не купят продукт, где ты напишешь: ну, знаете, на семьдесят процентов «по правде», на тридцать мы придумали. Мы не придумали, но мы не знаем. Или мы знаем, но не поместилось.

Виктория: У нас, да и ни у кого не может быть генеральной совокупности всего знания. Даже в научном исследовании этого нет.

Александр: Да, но в научном исследовании ты обязан где-то большими буквами написать, что именно ты не знаешь, как именно ты исследовал, чтобы тебя всегда можно было проверять. А вот эти штуки такого не предполагают.

Виктория: Да, не предполагают, но, тем не менее, мне кажется, в наших вводных частях мы как раз-таки писали, для чего мы это делаем, почему мы это делаем. То есть свои рамки мы там вполне конкретно обозначили. Никто не говорит, что мы сделали описание «всей *бидаю*», и это истина в последней инстанции.

Павел: Но мне, конечно, кажется, что это все-таки сделано для нашего успокоения. Потому что человек берет вот это, читает — и он читает про *бидаю*. Вот так живут эти люди. Из сегодняшнего разговора оказывается, что длинный дом сохранился в одной деревне, в которой ты побывала.

Алевтина: Да. В двух.

Павел: Окей. Но вот из того, что я прочитал...

Алевтина: ...ты не понял этого.

Павел: Я не понял, тут этого не написано.

Александр: Мне кажется, что правильная формулировка для такого рода вопроса: «Какие структурные последствия несет в себе такой стиль речи?» То есть на самом деле мы так сделали не потому что мы вредины какие-то, а потому что такие условия этой «игры». И если мы в нее и продолжаем играть, хорошо ли мы поступаем? Вот это вопрос.

Виктория: Что есть хорошо, что есть плохо?

Александр: Ну, скажем, скольким людям мы принесли страдания? Или, наоборот, можем ли мы сказать, что, сделав это, мы уберегли кого-то от страданий?

Павел: Я хочу понять, вот эта игра и вот та игра, которая здесь (в академии) происходит — это две разные игры или они где-то как-то пересекаются? И там, и там есть антропология в каком-то виде. Насколько они совпадают? Потому что я читаю этот текст, написанный Викторией Михайловой — которая вообще-то изучает, каким образом наследие конструируется разными акторами в процессах территориального развития... Вот я открываю книжку, и мне говорят: «ребята, у *бидаю* есть наследие, их наследие — вот это, это и это, их цвета вот такие, их орнаменты вот такие, хотите быть как *бидаю* — пожалуйста». Я это все понимаю, но у меня вопрос: а что Вика думает в это время, когда она выступает в качестве актора, одного из акторов, который создает это наследие. Я хочу понять, как в нас академический антрополог уживается вот с этим прикладным антропологом. Я специально говорю «мы», потому что я испытываю те же сложности. Я часто в той же ситуации нахожусь, когда я делаю прикладные проекты. Вот скажите мне, вы не испытываете какого-то неудобства в этом процессе?

Алевтина: Мне кажется, что я всегда испытывала это неудобство, когда я что-то писала. А зачем я написала про этих людей? И что им от этого? И не наврала ли я? И не исказила ли я все, что они мне сказали? Потому что исказить можно, даже вставив прямую речь в текст. И ты даже лучше изкажишь, если вставишь прямую речь. И у меня, наоборот, стало гораздо меньше сложностей в жизни, когда я стала прикладным человеком, потому что тут я конкретно понимаю, зачем я это делаю. То есть я что-то делаю для этих архитекторов или для архитектурного парка. Вот им нужно что-то создать, людям в этом парке нужно что-то ощутить, местным должно быть приятно туда зайти, и оно должно откликнуться во всех. А культура — это такой богатый материал для нового творчества. Короче, мне кажется, что я тут сместилась вообще в какую-то, скорее, рамку искусства, чем в рамку науки.

Александр: «Как я перестал беспокоиться и полюбил атомную бомбу».

Алевтина: Короче, у меня такой ответ, господа. Теперь пусть ученые скажут и исследователи наследия.

Виктория: Мне кажется, что для меня действительно есть большой разрыв между, так сказать, теорией/академией и практикой. И для преодоления этого разрыва требуется достаточно много каких-то коллективных усилий, в которых мы договоримся. Грубо говоря, создадим какую-то новую этику работы на этих прикладных проектах и встроим эту этику внутрь механизмов прикладных проектов. Сейчас объясню, что имею в виду. Из-за того, что я изначально человек из прикладной сферы, который создает какие-то буквально материальные проекты, а моя вторая ипостась — академическая, я нахожусь в постоянном противоречии. Потому что я понимаю цели и задачи прикладных проектов: делая их, мы вносим действительно свой кирпичик, допустим, в развитие территории; мы, может быть, помогаем как-то привлечь и стимулировать туризм на этой территории. Делаем ли мы что-то точно плохое в прикладных проектах? Иногда да, но далеко не всегда. То есть мы это все делаем с действительно искренними побуждениями сделать хорошо. Сделая хорошо этим людям. Мы, например, когда все это придумывали, обсуждали, что дом может достраиваться, мы также обсуждали идеи, что там есть возможности создания кооперативов собственников. И такая форма растущего лонгхауса, которую мы описываем, поможет сегодня экономически включаться местным сообществам, зарабатывать деньги. Неоднократно в своей работе, за которую я получаю деньги, я оказываюсь в ситуации, когда, например, пишу заявку на грант, — да, я пишу про наследие региона, осознавая, что я пишу это именно с целью получить грант. А чтобы его получить, я должна писать специфичным образом. То же самое и здесь. Нам нужно в любом случае подсветить некоторую ценность тех объектов, которые мы описываем. Конечно, мы будем использовать и «наследие», и «устойчивое развитие», и все остальное. Конечно, потому что моя задача создать такую рамку, которая будет очень подходящей для вот этого проекта территориального развития. Как исследователь, конечно, я осознаю, что я занимаюсь некоторым производством, что я в это вкладываю какой-то кирпичик. Но опять же, как исследователь, я могу сказать, что вот мы положили этот кирпичик, но если он не прижился, значит, плохой кирпичик. А если он прижился, значит, он откликнулся, значит, мы нашли какой-то момент. Да, получается, я на двух стульях сижу, то есть и как человек из прикладной сферы, и как человек, который занимается исследованием. Действительно, есть это противоречие. Ну а как его избежать, кроме как изменять практику...

Александр: Короткий дополняющий комментарий: мне кажется, что нет у академической науки монополии на исследование. Исследование — это такая практика. Ты гуглишь что-то, например, как ребенку сделать книжку с картинками, делаешь ее — и ты провел исследование. Лучше провел — нашел лучший способ, хуже провел — хуже. С одной стороны, достоинство исследователей в том, чтобы хорошо эту работу сделать, потому что ты профессионал, ты знаешь что-то про исследование, и ты, как Вика рассказывает, смотришь на архитекторов, которые что-то изображают в виде исследований, и думаешь, что это можно нормально сделать, давайте сделаем нормально, всем будет лучше. Это в этом смысле просто хорошее ремесло. Действительно, мне кажется, что моральный вопрос здесь всегда в том, кажется ли тебе, как человеку, который решается вложиться в этот проект, что этот проект приведет скорее к чему-то хорошему или скорее к чему-то плохому, уже не как исследователю, а как человеку, который совершает моральный выбор или политический выбор, точнее и то, и другое. И здесь скорее вот такие критерии.

Виктория: В общем, мы находимся в постоянной внутренней борьбе. Шучу, нет.

Павел: Не в постоянной, а в периодической. Я хочу сказать, что, конечно, если уж говорить про перевод, то язык, которым написан этот текст, он, конечно, очень такой... вкусный. В смысле, он очень соблазнительный. В смысле, смотрите, «curated cultural landscape — это уникальная возможность достичь баланса между сохранением и развитием». Это на каждой странице!

Александр: Продающий текст.

Павел: Продающий, абсолютно. Идеально продающий его. Прямо вот по всем потребностям этого человека, который описан в антропологии туризма. Вроде и аутентично, и в то же время комфортно. Вроде как, и традиция — и развитие.

Виктория: Наша задача была сделать привлекательный текст, мы и сделали его.

Александр: Подожди, это же еще не нападение, дай довести мысль.

Павел: Нет, это не нападение, это восхищение просто.

Алевтина: Ну, ты же понимаешь, что задача — продать администрации, убедить, что им это надо, чтобы они потом это использовали. Что мы это для вас сделали, для того, чтобы вашей культуре было хорошо, а при этом денежки тоже были. И чтобы вы потом как-то это внедряли в свои дальнейшие взаимоотношения с другими людьми, которые будут приходить. Ну, то есть, наша задача была именно такая.

Павел: А вот скажите, коллеги, вот вы же, наверное, шутили по поводу собственной колониальности?

Виктория: Ну да, мы сюда шли с этой шуткой.

Алевтина: Это был разгон, стендап (ты только что зашел) был прямо минут на десять.

Павел: Да? Эх...

Александр: Если коротко, то мы перебирали варианты, как нам надо фреймировать наши исследования. Если ты скажешь: слушайте, да у вас же колониальные исследования, мы скажем: «Да, и мы так и задумывали. Конечно, что могут эти малайзийцы понимать в чем-то. Сейчас мы все узнали, мы им все объясним». Но потом мы решили, что это все-таки не совсем отражает реальность. И скорее у нас вынужденный колониализм. То есть мы собирались делать по-нормальному, но получился почему-то колониализм. Потому что времени не было.

Павел: А когда времени нет, получается колониализм.

Виктория: Это самый простой путь.

Александр: Естественно делать колониализм белому человеку.

Виктория: Это, как говорят политологи, что, если не прикладывать усилия, у тебя в любом сообществе получится авторитаризм. Вот так и здесь: если не прикладывать дополнительные усилия, у тебя получится колониализм.

Павел: Да, я это готов понять и принять, но единственное, что я не понимаю, необходимость схемы вот этого человека, которая про цвет... Что, значит, разные цвета появляются в культурах по мере их эволюции¹⁰. Вот если этот эволюционный вектор убрать вообще, это исследование вообще ничего не потеряет. То есть просто можно сказать: у *бидау* черный, красный, белый цвета, желтый дополнительный, синий вот такой — и все, и нормально дальше все работает, вообще без потерь. Но почему-то это все построено в эволюционную линию.

Алевтина: Мне попался этот ролик на YouTube, и мне так это понравилось, что мне вообще хотелось... Помнишь, я им говорила, что буду исследовать дизайн, они мне заявляли: «Ой, ну какой у нас дизайн?». А мне хотелось наоборот им сказать: «Ребята, вот то, что вы сейчас делаете, минимализм, это круто». То, что ваши цвета — это не просто какие-то случайные цвета, это вот корневые цвета человеческой цивилизации вообще. То, что у вас происходит в вашей маленькой борнейской деревушке, это вообще-то интересно будет людям со всего мира, потому что это какой-то базис, это исток. Это ужасно, да?

Александр: Да, так и представляешь, условно воображаемого Дюркгейма: «Ну, дорогие мои австралийцы, вот это — ваше, понимаете, примитивное — это основа религиозной жизни, даже христианства, понимаете?»

Павел: Я хочу сказать, что у меня все эти колониальные диспозиции и иерархии довольно сильно сбились и пошатнулись после знакомства с синей книжечкой, где было написано, что вообще-то у *бидау* есть культура для собственного употребления и культура как бы на экспорт. А еще есть такое, что многие туристы могут принять обрабатываемую, культивируемую землю за какую-то дикую природу. Приходят, думают, что это дико и круто, но это вообще-то культивируемое пространство. И дальше там еще в конце тоже был какой-то тейк очень хороший, который меня вообще со всем примирил. То ли про то, что там все меняется у них, и что нужно, вроде как, каждый раз согласовывать...

Александр: Да, я постарался, собственно, интегрировать достижения британской антропологии.

Павел: Ну да, и тут в тексте стали проявляться какие-то реальные люди, которые меняются, у которых есть это, есть то.

¹⁰ Имеется в виду работа *Berlin B., Kay P.*, Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1969.

Культурные и духовные аспекты. Фрагмент книги *Business Responsibility Guidelines. Aquamarine Projects. Moscow, 2025.*

Алевтина: Потому что, видишь, у Саши другая задача. Здесь, в красном гайде, мы делали для архитекторов, а тут — для тех, кто в отделе какой-нибудь социальной ответственности, которые на другом уровне считают.

Александр: Строго говоря, то что ты упомянул про конец синей книги — это же примеры из некоей заготовки гайда для туристов. То есть ты должен рассказать туристам про то, куда они едут, чтобы они как-то подобающе себя вели и не вели себя неподобающе. Поэтому там все эти вещи: вы едете к живым людям, которые там вообще разные, они Богу молятся, но раньше черепа собирали. Ну, в общем, всякие такие интересные штуки.

Виктория: Я хотела добавить еще вдогонку, по поводу разрыва между, скажем так, академической теорией и практикой. Действительно, это как два мира, которые, я не знаю, соединяются ли они... Но как бы нащупать эту точку, в которой они соединяются, какой стороной пазла мы поворачиваемся, когда нам нужно сделать что-то прикладное. Там так много факторов, действительно: и какой заказчик, и какая задача, и отвечаем ли мы на сложный или простой вопрос, нужно ли нам делать финальный продукт? И от этого комбинация этого поворота будет разной.

Александр: Мне кажется, что ответ на этот вопрос, где пересекается — на уровне ремесла. На уровне просто того, как сделать исследование.

Виктория: Да, да! Мне тоже это понравилось.

Алевтина: Да, что исследования — это как бы не прерогатива академии. И что бизнес может делать ресерч, да кто угодно вообще.

Павел: Нет, это само собой.

Александр: То есть, ты применяешь одни и те же компетенции, но как бы для разных задач.

Алевтина: И дополнительные компетенции. Вот, то, что у нас с Викой — архитектурная, художественная — они дополнительные.

Александр: Предположительно, в научных текстах ты должен применять свои исследовательские компетенции для исследований каких-то эмпирических процессов, для построения теорий, по существу, для развития и вклада в какую-то теоретическую дискуссию. Вот эта часть компетенций, по «теорестроению», не задействуется в прикладном проекте, здесь она вообще никак не нужна. И там не будет, скорее всего, всей этой важной для антропологии рефлексивности о том, что — куда. Но зато там будут какие-то другие компетенции — как это сделать доступно, красиво, полезно. Определенным людям доступно, конкретной аудитории.

Павел: Когда мы говорим, что мы используем свои компетенции здесь для одних задач, здесь для других задач, я абсолютно согласен, я бы только убрал из этой фразы слово «просто».

Алевтина: Ты имеешь в виду, что чуть-чуть по-разному используем эти компетенции?

Александр: Что это не просто?

Павел: Я имею в виду, что мы — не «просто...». Ну, наша работа, наше исследование, оно же включает не только умение брать интервью, но еще и умение делать выводы, заключения, интерпретацию и так далее. И вот здесь слово «просто» уже не подходит. Вике совершенно не заповедано... конструировать наследие. Из-за того, что она его изучает, как это происходит. Ну и что? Вот мы изучаем, я тоже изучаю. Проблема возникает в тот момент, когда мы пишем, что наследием этой группы является вот это. Для меня это проблема. Я понимаю, что наследие — это конструкт, который создается разными акторами, и в какой-то момент я вылезаю и говорю, что у этой группы наследие — это вот это. Ну, как это? Противоречие есть между этими словами, да? Либо я должен сказать, что — «я считаю, что это наследие», или — «они считают, что это наследие».

Алевтина: Мы считаем, что это наследие.

Виктория: Мы пишем «we», ну, как бы в смысле, что — мы. Мы прямо говорим «мы», да, это высказывание, это... кусочек диалога.

Алевтина: Знаешь, почему? Потому что это же приглашение. То есть мы говорим: «Ребята, вот вы этот *барук* свой осмыслили как наследие. А нам кажется, что вот это и вот это — тоже клево». И если они скажут: «Господи, реально клево!» — и пойдут там что-то такое делать, то мы молодцы.

Александр: Сейчас ты говоришь, про какие-то «они», как будто есть какие-то *бидаю*, которые что-то решают. Но этими наработками воспользуются какие-то конкретные люди для достижения собственной выгоды, а другие не воспользуются, они пострадают; или что-то получают, что-то не получают. Это все будет куда сложнее.

Павел: Короче говоря, с одной стороны, то что вы сделали, по-моему, очень круто. С другой стороны, я хочу сказать, что есть проблемы — не в вашем исследовании, а в нашей прикладной ипостаси.

Александр: Но, с другой стороны, Паш, тебе не кажется, что это проблема не прикладной ипостаси? Потому что академическое исследование ведь тоже куда-то как-то вкладывается.

Павел: Да, ты знаешь, у меня есть такая гипотеза, что вообще-то прикладная антропология очень хорошо проявляет все те проблемы, которые есть в академической антропологии. Просто именно за счет, может быть, упрощения, за счет вот этого приложения, за счет практической ориентированности. Там это все быстрее и более явно проступает, потому что в статьях мы, конечно, можем сказать: с одной стороны, с другой стороны... напустить туману и рефлексии какой-нибудь, и оно как-то размывается. А здесь, когда тебе задают конкретный вопрос, вернее, когда ты даешь конкретные ответы, «последние» ответы — вот тут и выясняется, что ты на самом деле колониальный исследователь, ну, например.

Виктория: Неосознанно.

Александр: Вынужденно.

Виктория: Ладно, вынужденно. Да, у нас вынужденный колониализм.

Алевтина: Я считаю, натуральный. Это идет из природы, естественным образом. Что ни делай — получается колониализм...

Interview

Basov A. S., Borodulina A. S., Kupriyanov P. S., Mikhailova V. S. Applied anthropology in Borneo. Interviews with the authors [Prikladnaia antropologiiia na Borneo: interviu s avtorami] Anthropologies, 2025, no 2, pp. 67–95, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2025-2/67-95>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Basov A. S. | email: a.basov@iea.ras.ru | <https://orcid.org/0000-0003-3518-1852> | Junior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Borodulina A. S. | alevtina.ethno@gmail.com | Consultant at Aquamarine Projects, social anthropologist, independent curator

Kupriyanov P. S. | e-mail: kuprianov-ps@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9856-3159> | Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Mikhailova V. S. mikhailova.vikt@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-5634-0480> | postgraduate student, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abstract

The interview discusses the experience of Russian anthropologists' participation in the project of developing a tourist and investment masterplan for one of the districts of Sarawak (Malaysia, Borneo). The subject of the conversation is the field and desk research and research-based guidelines for local tourism projects, concerning architecture and graphic design, as well as the organization of interaction between companies and local residents. The interviewees discuss the conversion of field materials into practical recommendations, the search for a compromise between academic accuracy and the need to create an aesthetically pleasing and commercially viable product, and the ethical and methodological dilemmas associated with the anthropologist's position in an applied project.